

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА СИБИРСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА

Е. П. Ковалышкина

(Томский государственный архитектурно-строительный университет)

Областническое движение – одно из самых значительных явлений сибирской истории. В советской историографии ему уделяли внимание, главным образом, как партийно-классовому феномену, и спорили, определяя его принадлежность к революционно-демократическому, либерально-буржуазному, либо контрреволюционному лагерю. Итог спорам подвел М. В. Шиловский, в начале 1990-х гг. сделав вывод об эклектическом партийно-политическом характере областничества, обусловленном слабой социальной дифференциацией сибирского общества XIX века¹.

Изменение общественно-политической обстановки в стране в последнее десятилетие вернуло исследователей к традиции собственно областнической историографии, но политический ракурс изучения областничества сохранился. Концептуальную основу областничества стали видеть в вопросе о взаимоотношениях России и Сибири, и внимание к нему, как к разновидности федералистского движения, было связано с популярностью в начале 90-х гг. идей регионального самоуправления.

Немногие исследователи увидели в областничестве иные исторические смыслы². Е. Г. Новикова предложила рассмотреть его в социокультурном контексте, как форму самосознания сибирской интеллигенции. Л. И. Шерстова поставила вопрос об областничестве как об идеологии, отразившей ход и результаты этнических процессов в Сибири. Работы А. М. Сагалаева, В. М. Крюкова, Г. И. Пелих об общественно-политических взглядах Г. Н. Потанина так же способствуют осмыслению областничества как многомерного явления. Попытка реконструкции мировоззренческой платформы областнического умонастроения предлагается и в данной работе.

Сами областники считали областничество “местным самосознанием”, основанном на местном патриотизме, который, заставляя задуматься об исторической судьбе своего края, сделал их “автономистами”³. Особенности областничества как формы регионализма, по их мнению, были предопределены спецификой Сибири. Так надэтнический характер областничества объяснялся разнообразием этнокультурного состава сибирского населения⁴. А то, что Сибири государственной властью было определено положение, “обслуживающее” интересы центра, сделало “нормой сибирского патриотизма” не защиту корпоративных интересов своей области, а приверженность идее равноправия всех регионов страны между собой и в отношениях их с центром⁵. Таким образом, смысл областничества кроется не в устранении одних только “отрицательных

фактов сибирской жизни”, а в постановке вопроса об установлении государственного строя, при котором “население всякой территории” могло бы “быть творцом своей судьбы”⁶. Очевидна связь с исторической концепцией А. П. Шапова, согласно которой Россия состоит из самобытных “культурно-исторических гнезд”, образовавшихся в процессе этнических процессов, сопровождавших колонизацию. Областники, опираясь на эту концепцию, призывали к созданию порядка, при котором культурная полифония России воплотилась бы в государственном устройстве, не нарушая целостности политического и общественного организма страны.

В правительственной же политике во второй половине XIX века все отчетливее наблюдается стремление к созданию жестко унифицированной модели в административно-политической, идеологической, этнокультурной сферах⁷. Авторитаризм политического строя, отказ от демократических институтов и свобод, ужесточение цензуры, насаждение единой управленческой модели сопровождались гонениями на национальную культуру, внедрением в национальные районы православия и русского языка. Пагубное содержание такой политики, создающей “иллюзию величия”, но “расходящейся со здравым смыслом и историей”, Н. М. Ядринцев видел в навязывании обществу безальтернативной схемы существования⁸. Этот принцип жизнедеятельности государства, названный им “мономанией”⁹, был одинаково несовместим ни с идеями развития общественного самоуправления, ни с принципами гражданских свобод, ни с правами областей на автономное существование. Таким образом, “сибирская программа” - деятельность, направленная на преодоление отсталости края и его подчиненного (колониального) положения, - была только частью областнических воззрений, оппозиционных “мономании”.

Смысл этих воззрений, на наш взгляд, определен В. Лесевичем (другом Г. Н. Потанина): “Должно быть единство в многообразии”¹⁰. Данный постулат отразил систему мировоззренческих ценностей идеологов областничества, важнейшими из которых были идеи абсолютно-сти человека как высшей социальной ценности и признание плюрализма - политического, социального, культурного - нормой существования общества.

Сам Г. Н. Потанин формулировал аксиологический принцип платформы областничества, обращаясь к кантовскому тезису: “Человек сам себе цель, он не может служить средством для посторонних ему целей”. В основу человеческого развития должны быть положены устремления самого человека, и никакие внешние соображения не могут быть оправданы. “Государственный строй, - продолжал он далее, - должен обеспечить каждой личности в государстве возможность не только благопо-

лучно провести свой жизненный срок, но и свободно, ..., развить свою индивидуальность, удовлетворить свою потребность в самоопределении” и никто, и государство в том числе, не может лишить ее права на самостоятельную жизнь, навязывать свою опеку”¹¹. Этот принцип делает естественным и необходимым признание “автономии волостей, уездных и губернских собраний, ... областей. Все эти ячейки или клеточки государственного организма должны развиваться свободно, подчиняясь только внутренним влечениям. Никакая внешняя власть не должна ставить преграды в самоопределении этих составных частей государства. Никакая власть не имеет права какую бы то ни было составную часть государства обращать в средство для достижения посторонних этой части целей, для выполнения каких-нибудь экспериментов”¹². Эти же этические установки определили неизменное признание областниками прав меньшинств, существования “частного” в “общем”. Размышляя о принципиальной значимости частного, Потанин не принимал позицию Вольтера, который “приносил частное в жертву целому”, но находил “громкую поддержку” в идеях Руссо¹³.

Идеи эти были созвучны строю личности Г.Н. Потанина. Терпимость, такт, отказ от доминирования, признание равенства другого, уважение к чужому чувству собственного достоинства, готовность быть полезным, вызвать и поддержать в людях духовно-творческую самореализацию, проявленные Г. Н. Потаниным в общении с разными людьми¹⁴, были основаны на убеждении, что в основе развития общества лежит не однотипность, а разнообразие человеческих потенциалов. А чем богаче и многообразнее эти потенциалы, тем устойчивее общество, тем больше возможностей для его творческого развития. Не лишним будет заметить, что качества эти Потанин проявлял не только при организации общественной научной, культурной работы, но и в совсем иных обстоятельствах, например: во время своего заключения, обучая грамоте арестантов; в ссылке, заочно оказывая поддержку письмами и деятельным сочувствием ссылке татарину “Мурзе- Медичу”, над которым подшучивали окружающие; в отношении к рабочим и проводникам своих экспедиций и т.д.

Уверенность в аксиологической неповторимости человека была связана с еще одной ключевой установкой в творчестве и деятельности Г.Н. Потанина – с признанием плюрализма имманентным свойством жизни. Это представление могло быть вызвано “естественнонаучным” отношением к разнообразию окружающего мира, “симпатиями к естественным наукам”¹⁵. Описывая природу: ландшафт, климат, растительный и животный мир, Г.Н. Потанин неизменно подчеркивает ее разнообразие – правило существования “органической и минеральной жизни”. Сами излюбленные его понятия: “жизнь”, “живой” применяются по отноше-

нию к явлениям разного характера для обозначения нестесненности “всевозможными рогатками” - циркулярами, доктринами, произволом, “указками из центра”, то есть тем, в чем заключается “любовь к однообразию”¹⁶.

Эстетическим вкусам Г.Н. Потанина, например, отвечал растительный мир с его “поэзией жизни”, эстетика “растительной силы”. Высказываясь против “каменных сундуков” “опростившейся до наготы архитектуры”, он призывал “в архитектурных вкусах руководствоваться жизнью”: “Пусть по делу рук человеческих природа пройдет окончательным резцом... и кривыми линиями смягчит острые углы геометрического рисунка. Жизнь природы должна покрыть своей благославляющей рукой работу человека. Пусть тротуары наши обрастают бордюром из репейника, пусть на Почтамтской улице древесный сук прободает забор и развешивает свой шатер над тротуаром, пусть в городском саду свищет соловей и скрипит коростель, и пусть белки из сада забегают через открытые окна в будуары томских дам”¹⁷. То, что имеет казенный, бюрократический характер, что отмечено официальной скукой и отделено от личности, не обладает жизненным началом.

Он был противником шаблонных мероприятий¹⁸, речей и чувств - всего того, что ставит преграды свободному течению “живых сил” или направляет их в другое русло. “Тоска смотреть на вульгарный дом, но еще тоскливее иметь дело с человеком, лишенным индивидуальности”, писал Потанин в одном из фельетонов о человеке-педанте, которого “пугало все, что не шаблонно”. Этот “правильный” человек “без душевных признаков”, не доверявший стихии жизни, исправлявший, “вернее ... истреблявший мой (Потанина – Е.К.) стиль, ... вычеркивавший в моих писаниях все оригинальное, приводивший мои работы к какому-то среднему образцу, бесцветному и беззубому ... , чтобы выходило, как будто пишет какое-то существо без нервов и кровеносных жил”, олицетворял взгляд на патриотизм, противоположный потанинскому. “Он защищал неприкосновенность икон, попов и монахов, но более всего оберегал престиж русского государства ... , не смущаясь учил меня любить Россию, а это, по его понятию, значило, что я должен постоянно расшаркиваться перед ней и делать глазки”¹⁹.

Многосторонность творчества и общественной деятельности Г.Н. Потанина, его чуждость узости мысли и доктринерству являются характерными чертами открытого и свободного мышления, воспринимающего и принимающего “симфонию мелочей” - полноту жизни в многообразии ее частных проявлений. Уже сам литературный стиль его “Воспоминаний”, эссе “Вермишель”, других публицистических работ отразил это восприятие жизни²⁰. В. Крутовский отметил его: “В мировоззрении Григория Николаевича, несомненно, имеется пантеистская складка. И эта

особенность его души повелительно требует мягкого, любовного отношения к миру. Пантеизм Потанина не наносная черта его характера, а результат интенсивного, глубокого понимания природы в ее целом, яркое проявление неудержимой потребности к философскому обобщению человека, в каждой частности многообразия мира пытающаяся провидеть его сокровенную сущность”²¹.

“Единство в многообразии” признавалось Потаниным как ценность, на которой должна строиться и общественно-политическая механика. Поскольку реальная полифоничность мира предполагает инаковость составляющих его различных социо- и этнокультурных элементов (областей, народов, отдельных личностей), то социально-политическая практика с неизбежностью должна исходить из презумпции этой инаковости. Такая позиция позволяет представить мировую историю с ее бездной фактов, событий, явлений в гармоническом единстве и отчетливо осознать ущербность “центризма” - отсутствия альтернатив, равноправия “иного” в разных сферах бытия: административно-политического, этнокультурного.

Этот тезис, воплощающий широкое понимание принципов демократии и свободы, определял предпочтения Потанина: автономию общества и личности, противостоящую российской реальности, в которой государство определяло всю систему общественной регуляции; принцип свободы совести и убеждений, направленный против нетерпимости догматов как господствующей церкви, так и политических партий. В сфере вопросов, касающихся государственного строя, он был приверженцем федеративной республики, устроенной на основе представительства в законодательных учреждениях не только всех партий, существующих в государстве, но и всех территорий, входящих в его состав. Административное устройство, в свою очередь, должно было быть, по его убеждению, основано на принципе автономии областей, их законодательной, финансовой, культурно-экономической самостоятельности. Центральный парламент должны были дополнять провинциальные “парламенты разных калибров” с разной степенью территориальной компетенции, от губернии до волости – для решения местных вопросов. Это только укрепило бы связь с центром и солидарную общность страны на основе “благожелательных отношений”²².

Эти же установки объясняют характерное для социальных взглядов областников ясное осознание опасности абсолютизации интересов какого-то одного класса, изнурительной политической конфронтации, неумения не только выслушать оппонента, но и признать за ним права на существование²³. Прямую задачу патриотов Сибири Н.М. Ядринцев в 1872 г. видел в том, чтобы “... давать прогрессивный толчок каждому отдельному сословию, пользоваться всеми слоями народа, всеми инте-

ресами, стараясь придать им лучшее направление”, искать “единения во имя блага”²⁴. Идеология областничества не была порождением какого-либо одного класса или строя, – замечал по этому поводу Л. И. Шумиловский, – на требованиях местного областного самоуправления действительно могли сойтись совершенно различные общественные группы, как могут они сходиться на требованиях парламентаризма, не предполагая затушевывания общего антагонизма своих интересов²⁵.

Угрозу тотального единообразия, не содержащего запаса сил для жизненного творчества, областники видели в мероприятиях по насаждению религий, унифицирующих духовную культуру народа, единого образа жизни, административного строя, когда самобытная культура отдельного народа, региона, не имея возможности противостоять, растворяется в чужом культурном достоянии. Программы насильственной русификации, причисления “инородцев” к русским волостям с целью искусственного “слияния народов с разными национальными, религиозными, семейно-бытовыми, трудовыми традициями”²⁶ представлялись “выпрямлением” живой и разнообразной человеческой жизни.

В области социальных отношений Г. Н. Потанин считал недопустимой характерную для социально-политических “экспериментов” позицию внешнего демиурга, который смотрит “на народную массу, как на тесто, как на какую-то мастику”, из которой он “готовится лепить свои фантазии”²⁷. Его мировосприятию соответствовала идея изменения путем внутренней эволюции, созревания необходимых условий и осознания самим социумом необходимости перемен. Просветительская работа – вот сфера деятельности для изменения общества, на которую ориентировал Г. Н. Потанин.

Не все выводы могут нам казаться бесспорными, а идеи – имевшими шансы реализоваться, но все они будят “живую мысль”. Сама позиция Г. Н. Потанина, воспринявшего идею культурного разнообразия как норму бытия человеческого мира, и понимавшего, что “чудное разнообразие племен и рас может нас только восхищать и заставляет верить в величие человеческой расы и блестящее будущее человечества”²⁸, становится актуальной для современной ситуации. Областнический тезис о единстве в многообразии, как формула социальной гармонии, отвечает идеям многополярности, признания многообразия мира ценностью, отражает уровень представлений о структуре мира в передовом общественном сознании на рубеже XX - XXI веков.

¹ См.: Шиловский М. В. Сибирское областничество во второй половине XIX-начале XX вв. Дис. докт. ист. наук/ Новосибирский гос. ун-т. Новосибирск, 1992. С.7.

² См.: Новикова Е. Г. Проблема границы в сознании сибирского писателя-областника: на материале творчества Н.И. Наумова // Американский и сибирский фронт. Материалы международн. научн. конф. «Американский и сибирский фронт»

тир». Томск. 4-6 октября 1996. Томск, 1997. С.250-253; Шерстова Л. И. Этнополитическая история тюрков Южной Сибири: дис. докт. ист. наук. Том. гос. ун-т. Томск, 1999; Сагалаев А.М., Крюков В.М., Г. Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991; Пелих Г. И., Топчий А. Т. Тайны областнической концепции. Доклады регион. межвуз. «Потанинских чтений». Томск, 1996.

³ См.: Потанин Г. Н. Областническая тенденция в Сибири // Сборник к 80-летию Г. Н. Потанина. Избранные статьи и биографический очерк. Томск, 1915; Ядринцев Н. М. Сибирские литературные воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т.4. О различии местного и «официального» патриотизма. См.: Письма Г. Н. Потанина в пяти томах. Иркутск, 1988. Т.2. С.79-80.

⁴ См.: Потанин Г. Н. Нужды Сибири... С. 52-53.; Он же. Областническая тенденция в Сибири... С. 110; Он же. Три областника. НБ ТГУ. Фонд Г. Н. Потанина. Дело № 1486, л. 6935.

⁵ НБ ТГУ. Фонд Г. Н. Потанина. Дело № 1486, л. 6939, 6941.

⁶ Потанин Г. Н. Областническая тенденция в Сибири... С. 101, 103.

⁷ См. об этом: Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.). М., 1997.

⁸ Ядринцев Н. М. Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад. Geneva, 1897.

⁹ Ядринцев Н. М. Значение областности в развитии государства // Восточное обозрение. 1885. 25 июля. С. 1.

¹⁰ Цит. По: Козьмин Н. Г.Н. Потанин. Биографический очерк // Сибирские записки. 1917. № 6. С. 140.

¹¹ Потанин Г. Н. Областничество и диктатура пролетариата // Сибирская жизнь. 1917, 18 июля. С. 2-3.

¹² Там же.

¹³ См.: Потанин Г. Н. Письма в 5-ти томах. Т.2. С.50, 75.

¹⁴ См.: например, Попов И. И. Единственный // Сибирская жизнь. 1915. 20 сент. С.4; Адрианов А. В. К биографии Г. Н. Потанина // Сборник к 80-летию... С. I-XXXI; Клеменц Д. Г. Н. Потанин // Русское богатство. СПб., 1905. № 9; Воспоминания о Потанине в альманахе «Вольная Сибирь». 1927. № 1. и др.

¹⁵ См.: Потанин Г. Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск, 1983. С.33.

¹⁶ См., например, Потанин Г. Н. По поводу введения преподавания родиноведения // Сибирская жизнь. 1915. 6 июня. С. 2-3.

¹⁷ Потанин Г. Н. Галоши № 9, воротнички № 47 или бессовестная мама // Сибирская жизнь. 1912. 12 декабря. С. 2.

¹⁸ Потанин Г. Н. День закладки университетского здания // Сибирская жизнь. 1913. 22 октября. С. 4.

¹⁹ Потанин Г. Н. Галоши №9, воротнички №47 или бессовестная мама // Сибирская жизнь. 1912. 12 декабря. С. 2.

²⁰ См., например, статьи Потанина Г. Н. Алтай // Сибирская жизнь. 1912. 25 октября. С. 2.; В Чемальском тупике // Сибирская жизнь. 1912. 17 июня. С. 3-4; В юрте последнего киргизского царевича // Русское богатство. 1896. № 8. С. 60-88. и др.

²¹ Крутовский Вс. Что привело Г. Н. Потанина к изучению народных сказаний // Сибирская жизнь. 1915. 20 сентяб. С. 4.

²² См.: Г. Н. Потанин. Сибирские проблемы в Государственной Думе // Сибирская жизнь. 1912. 18 ноября. С.3.

-
- ²³ См.: Сагалаев А. М., Крюков В. М. Г. Н. Потанин. Опыт осмысления... С. 199-201.
- ²⁴ Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину. Красноярск, 1918. Вып. 1. С. 131.
- ²⁵ См.: Шумиловский Л. И. Утопия ли // Сибирская жизнь. 1913. 26 января. С.3.
- ²⁶ Ядринцев Н.М. К вопросу о присоединении инородцев к русским волостям // Восточное обозрение. 1982. № 30. С. 11.
- ²⁷ См.: Потанин Г. Н. Областничество и диктатура пролетариата // Сибирская жизнь. 1917. 18 июля. С.3.
- ²⁸ Цит. По: Разгон Л. Э. Сибиряк // Семь жизней. М., 1992. С. 102-103.